

МЕТАФИЗИКА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ТОМАС ГОББС И ЛЕВИАФАН ТОТАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

А.П. Огурцов

Институт философии РАН

В перерывах между написанием этих заметок я перечитывал письма П.А. Флоренского своим близким с Дальнего Востока и с Соловков (в старости отдаешь все большее предпочтение документам и письмам) [1]. В этих письмах меня поразили и та любовь к своим родным, которой пронизаны каждая весточка, и те многостраничные письма, редко доходившие из Соловецкого лагеря особого назначения, и то, что в письмах, сохранив ясный ум, он рассказывает детям о своих занятиях и своих размышлениях о дисперсном состоянии вещества, о пространстве-времени, о методологии задуманной им морфометрии, о методах вариационной статистики, основанной на теории вероятности. О политике он не писал – письма не могли миновать цензора, да и политика не представляла для него интереса – все было ясно: у власти тиран и ничего хорошего от него и от его власти ждать не приходится. Меня поразило – какого человека потеряла Россия! Сколько блестящих и грандиозных по мощи умов было погублено в коммунистической тирании!

Конечно, у каждого из вас возникнет вопрос: какое отношение имеет мое возмущение утратами России к политической метафизике Томаса Гоббса? Не привязано ли искусственно мое негодование тиранией к политической философии Гоббса? Само собой разумеется, политическая мысль философа-отшельника, не понятого ни королевской властью, ни республиканцами во главе с лордом-протектором и верховным правителем О. Кромвелем, не имеет никакого отношения к повседневной советской практике террора, к ГУЛАГу, чисткам и внесудебным расправам. И все же доминантой политической философии Гоббса – этого «Галилея от политики» (по определению Поля Рикера [2, с. 166]), создателя первой политической концепции в эпоху Модерна – является стремление осмыслить генезис государства как безличной власти, а саму власть как механизм подчинения и господства.

Цель данной статьи не в том, чтобы провести параллели между политической философией Гоббса и коммунистической тиранией (это было бы искусственно), а в том, чтобы показать, как апология абсолютной власти суверена (в данном случае короля) ведет не только к конструированию вертикали власти, но и основана на использовании сциентистских моделей и способов мысли. Именно эти методы, ориентирующиеся во времена Гоббса на геометрию, – парадигмальную науку в то время, науку, задававшую нормы дискурса и образцы моделей для многих наук, в том числе и для политики, выносили за скобки все человеческое, как не относящееся к механизму власти. Размышления о государстве и о политике строились в соответствии с нормами и методами евклидовой геометрии. Именно эти методы и нормы дискурса оказались губительными для генезиса науки о политике. Если государство трактуется как безличная машина власти (а именно такова фундаментальная метафора политической философии и Гоббса, и В.И. Ленина [3, с. 441]), то необходимым выводом из такого допущения следует культ абсолютной власти (будь то суверена или диктатора, якобы репрезентирующего диктатуру пролетариата).

Веер интерпретаций политической концепции Гоббса

Известно, что Томас Гоббс написал два сочинения, обсуждавших как актуальные политические события современной ему Англии, так и философские проблемы – «Левиафан» (1651 г.) и «Бегемот» (1658 г.). Первое из них – философский трактат о власти, о суверене, о правах и обязанностях граждан, о двух состояниях общества, о преступлениях и гражданском законодательстве, о соотношении светской и религиозной власти, а второе не только навеяно впечатлениями о гражданской войне в Англии, в ходе которой казнили Карла I и к власти пришел военный диктатор Кромвель, но и размышлениями о губительности гражданской войны.

В интерпретации концепции государства Гоббса существовали и до сих пор существуют альтернативные подходы. Согласно одному из них концепция Гоббса – это концепция тоталитаризма и тоталитарного государства. Эта позиция представлена Ж. Вьялатом, Р. Капитэном, Г. Шельским [4]. Альтернативна ей позиция Р. Коллингвуда, для которого Гоббс – защитник индивидуальной свободы и правового государства [5]. О юридическом персонализме Гоббса писал К. Шмитт [6, с. 286], о «собственническом индивидуализме» (*possesive individualism* – повелительном, приказывающем индивидуализме) Гоббса – английский историк политических теорий К.Б. Макферсон [7].

Думаю, что неправы ни одна из этих альтернативных интерпретаций политической концепции Гоббса. В каждой из этих альтернативных интерпретаций политической концепции Гоббса ее авторы апеллируют к тем ас-

пектам, которые сплетены с противоположными аспектами. Выбранные же аспекты превращаются в существо этой концепции. Не вдаваясь в подробности полемики между альтернативными интерпретаторами политической концепции Гоббса, замечу, что она представляет собой причудливую конфигурацию номинализма, трактующего историю и политическую жизнь как результат действий людей и не допускающего вне и независимо от них никакой надындивидуальной реальности, с одной стороны, и, с другой стороны, реализма, предполагающего и допускающего как институты власти, так и тотальную власть абсолютной монархии. Это лишь один пример сочетания в политической философии Гоббса разноречивых ориентаций и движений мысли.

В последние десятилетия произошел поворот к исследованию риторики в новоевропейской политической мысли, в том числе и в политической концепции Гоббса [8]. Речь идет не столько о стилистике рассуждений Гоббса, сколько о стиле его мышления, принципиально отличающегося от теологического и ориентирующегося на нейтрализацию политического языка и на инструментализацию понимания государства. Так, К. Шмитт усматривал в концепции Гоббса о государстве начало того процесса нейтрализации политических идей, которая привела к превращению государства в нейтральный технический инструмент, в машину власти, в механизм отдачи приказаний [6, с. 162–164]. Этот механизм хорошо организован, в нем царит глобальная рациональность и законность, обеспечивающая людям безопасность, порядок и стабильность. Решения власти основаны на авторитете, а не на истине.

Трудность заключается не в том, чтобы выявить инструменталистские метафоры у Гоббса, а в том, чтобы показать то, как происходит превращение человека-законодателя («*legislator humanus*») в «машину законодательства» («*machine legislatorial*»), как формируется система законности, претендующая на послушание со стороны подданных и отвергающая всякое противодействие его приказам. Механистическо-геометрический способ мысли Гоббса отнюдь не означает, что он свободен от метафор и риторических фигур, сами эти риторические фигуры составляют не просто контекст его политической и юридической мысли, они входят в ее состав и образуют ее содержание.

Риск и ответственность за защиту и безопасность граждан несет на себе рациональный механизм государственной власти, в том случае, если такого рода защита и безопасность не гарантируются сувереном государства, обязанность подчиняться ему отпадает.

И все же Шмитт, настаивая на том, что Гоббс в своей политической концепции положил начало процессу нейтрализации и инструментализации государства, упустил из виду ту персонификацию государственной власти, которая была характерна для Гоббса, его апелляцию к абсолютной власти монарха и его антропоморфизацию государства в образе Левиафана. Да и сам Гоббс обращается к мифологическому образу Левиафана для описания абсо-

лютизма – персонального воплощения безраздельной власти абсолютной монархии [9]. Диктатура государства – это абсолютная диктатура суверена – монарха. Апеллируя к мифологическому образу Левиафана, Гоббс нарочито двусмысленен: ведь Левиафан – это и «смертный Бог» [6, с. 146], и «искусственный человек» – более крупный по размерам и более сильный, чем естественный человек [6, с. 37]. Сама трактовка Гоббсом государства как Левиафана вольно или невольно взывает к религиозной ментальности, к образу чудовища-дракона, противостоящего Богу. Само использование этой метафоры в политической философии Гоббса означает, что он не освободился от теологической стилистики, что его способ мысли при всей критике христианской теологии в «Левиафане» апеллирует к религиозным образам и метафорам.

Гоббс и его учение о государстве

Существенно то, что сам образ Левиафана как сути государства нес в себе критический запал: ведь государство – это не просто смертный Бог, а одновременно дракон, пожирающий человечество огнем. Иными словами, этот образ – свидетельство оборотнической логики, которая присуща средневековой религиозной ментальности. Поэтому превращение политической философии Гоббса просто в апологию абсолютной власти не учитывает тех коннотаций, которые связаны с образом Левиафана, тех противоречивых эффектов, которые производит сам образ Левиафана.

Не только Шмитт превращает Гоббса в одномерного защитника тотальной власти государственной машины. Это же присуще и Вьялату, и Капитэну. Можно сказать, что в политической концепции Гоббса странным образом соединились антропоморфные и инструменталистские тенденции в объяснении власти государства, геометрический конструктивизм в социально-политической мысли и архаические образы Голема власти – искусственного человека, более крупного по размерам и более сильного, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан [10, с. 37].

Та модель власти, которую Шмитт связывал с концепцией Гоббса, обусловлена прежде всего формированием и ежедневным утверждением безличной и тотальной системы государственной власти в XX в. – в Германии прежде всего (напомню, что книга Шмитта о Гоббсе была написана и опубликована в 1938 г.), а не тем, как характеризует власть государства сам Гоббс, хотя тенденция к инструментализации государственной власти совершенно очевидна. Эта инструментализация связана с универсализацией геометрического метода в постижении и естественных, и искусственных тел. К последним принадлежит государство [11].

Всякая тираническая власть коренится в страхах человека, особенно в страхе перед смертью, – такова исходная мысль Гоббса, которая связывает его размышления о политике с коммунистической практикой террора. По-

мимо страха насильственной смерти Гоббс обращает внимание на соперничество, недоверие и жажду славы как на те страсти, которые ведут от естественного состояния к искусственному. И все же страх перед насильственной смертью является решающим при конструировании искусственного, гражданского состояния. Для Гоббса смерть и страх перед смертью являются движущей силой перехода от естественного состояния «войны всех против всех» к искусственному (artificial), которое возникает благодаря общественному договору – к государству, праву и власти представительного лица (суверена). Гоббс универсализирует страх перед смертью, превращая его в способ формирования социально-политического состояния.

Говоря о видах наказаний, Гоббс на первое место ставит телесные наказания, которые бывают смертоносными и менее смертоносными. Власть под угрозой насилия над телом и смерти утверждает единичную волю и разум суверена – «наместника Бога» [10, с. 326]. Согласно Гоббсу, действия людей проистекают от воли, воля – от надежды, страха и калькуляции того, принесет ли нарушение законов большее благо или меньшее зло, чем их соблюдение, что и ведет к нарушению законов. Власть – гарант основного мотива человеческого существования – самосохранения. Признание права и государственного лица – суверена является неотъемленным компонентом формирования искусственного социального состояния.

Геометрически-конструктивный метод в политической науке

Обратимся к двум концептам политической мысли Гоббса, которые имеют самое непосредственное отношение к его юридической мысли, – к концептам «статуса» и «конструкции». Как известно, Гоббс противопоставил «естественное состояние» и «искусственное состояние». «Естественное состояние» – это война всех против всех. «Искусственное состояние» формируется ради безопасности граждан, и связано оно с возникновением государства. Вместе с тем у Гоббса противопоставляется «естественное государство» («*civitas naturalis*») «государству по установлению» – «государству институциональному» («*civitas institutiva*»). «Естественное государство» основано на кровном родстве, на локальных семейных или родовых группах, на патриархальной монархии [12, с. 360; 10, с. 116]. Для Гоббса «естественное состояние» – это фикция, или конструкция, придуманная для того, чтобы подчеркнуть необходимость государства, поскольку никогда не было такого времени, когда бы частные люди находились в состоянии войны между собой. Государство, которое возникает благодаря договору между людьми, представляет собой искусственного человека: верховная власть сопоставляется с его душой, судебная и исполнительная власть – с его суставами, награды и наказания – с его нервами и т.д.

Термин «статус» ранее относился прежде всего к праву, к юриспруденции и означал положение человека в государстве, то место, которое занимает группа, или сообщество, к которому он принадлежит в государственно-правовой структуре. Гоббс перенес этот термин из области права в теорию общества – для описания «естественного состояния» (*status naturalis*) и «искусственного (гражданского) состояния» (*status civilis*). Это цивилизованное состояние связано с деятельностью государства, с силой власти, выражаемой в законах. Понятие «статус» становится обозначением статики – стабильного состояния государства, а понятие «конструкция» – обозначением отношений между гражданами, сословиями и корпорациями.

Метафизика Гоббса включает в себя первую философию – учение о теле, его движении в пространстве и времени, его законах, учение о человеке и о человеке как гражданине. Институции государства Гоббс называет «политическим телом», экстраполируя на государство те аналогии и модели, которые он использовал при анализе человеческого тела и тел природы. Философия политики основана на его учении о «политическом теле» – государстве и на понимании человека как юридического лица. Впервые в философии политики Гоббс провел различие между человеком как физическим лицом и человеком как юридическим лицом. Критерием этого различения служит то, кому приписываются человеческие слова или действия: если ему приписываются собственные слова и действия, то это физическое лицо; если ему приписываются чужие слова или действия, то человек выступает как юридическое лицо, то есть он выступает как актер, действующий по поручению того, кого он представляет. Юридическое лицо предстает как фикция, которая гарантирована государственным законом и принудительной властью государства [10, с. 276].

По сути дела Гоббс продолжает в учении о политике «мысленный эксперимент», который в классической физике осуществил Галилей: конструируется «естественное состояние» как «война всех против всех» и его антропологические детерминанты (прежде всего страх перед насильственной смертью) и одновременно «искусственное состояние» и его детерминанты – государства с присущей ему вертикалью власти, основанной на общественном договоре. Сама идея общественного договора, будучи выражением значимости сферы товарно-денежного обращения в социальной жизни и вместе с тем юридической идеологии в формирующемся буржуазном обществе, приводит к ограничению естественной свободы человека использовать собственные силы по своему усмотрению, суждению и разумению, к добровольному и самостоятельному отказу от безграничной свободы во имя запрета делать то, что пагубно для жизни человека, или то, что лишает его средств для ее сохранения и улучшения. Анализ Гоббсом различий между физическим и юридическим лицом, процедуры представительства в государстве продолжает «мысленный эксперимент» в учении о политике. Дело не только в том, что суверен является представителем воли множества людей, но и в том, что Гоббс вводит в политическое учение новую детерминанту – договор меж-

ду людьми, соглашение между представителем и представляемыми, которое основано на их взаимном признании. На идее признания (Acknowledgement) основывается общественный договор, переход от естественного состояния к искусственному и возникновение права. Среди естественных законов (их всего девять), которые дедуцирует Гоббс, он особо отмечает, что «всякий человек должен признать других равными себе от природы», и из него вытекает важнейшая максима: «не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе» [10, с. 134, 136]. Эта детерминанта политических структур, особенно государства, получит свое наиболее явную форму в гегелевской идее признания (Anerkennung), развитой в «Иенской реальной философии» и в «Феноменологии духа» [2, с. 164–233].

Задачу политического мыслителя Гоббс усматривал в анализе всех составляющих государство элементов [13], уподобляя государство часам, а его анализ – разложению этой машины на отдельные компоненты. Эта аналогия государства с машиной, с полуавтоматическим механизмом – часами станет одной из излюбленных метафор политических мыслителей XVII в. – и Р. Декарта, и Лейбница. Позднее – у немецких и французских романтиков – она сменится другой метафорой: государство будет ассоциироваться с организмом, с целостной организацией социальной жизни.

«Искусственное состояние» основано на моральности и праве. Оно вторично и является человеческим установлением – институцией, учреждением. Мыслители XVII в. по аналогии с физическим пространством (протяженностью) вводили понятие «моральное пространство». Именно в нем разворачивается геометрически конструктивная деятельность, ведущая к формированию «искусственного состояния».

Понятие «конструкция» сформировалось под влиянием грандиозных успехов геометрического метода. Он воспринимался и оценивался как образец научного исследования и изложения. Геометрия оказалась основой механики – науки о движении в пространстве. Поскольку геометрия имеет дело с построением геометрических фигур и с отношениями начал геометрии и сконструированных из них фигур, постольку и все истины стали мыслиться как отношения. И размышления об обществе и государстве стали мыслиться в соответствии с геометрическим методом. В Предисловии к читателям своей книги «О гражданине» Гоббс усматривал в геометрии науку, выведшую человека из варварского состояния в цивилизованное. Ярким примером этого может служить «Этика» Спинозы. Мальбранш называл геометрию одной из универсальных наук [14].

Универсализируя геометрический метод и превращая его в исследование отношений между искусственно построенными артефактами, Гоббс обращается к идее «конструкции» в праве и в трактовке государства: право должно соизмерять права и обязанности граждан, преступления и наказания. Основа этого соизмерения – идея равновесия и геометрия человеческого совместного существования. Обсуждая значение геометрии, Гоббс подчерки-

вает, что «метод доказательства а priori можно применять в политике и в этике, т.е. в науках о *справедливости* и *несправедливости*, ибо мы сами создаем принципы, служащие нам масштабом для познания сущности того и другого, или, иначе говоря, причины справедливости, то есть законы и соглашения» [12, с. 237].

Хотя Гоббс ограничивает применение геометрического метода в естественных науках, поскольку тела природы не могут быть сконструированы по воле человека, но в его социально-политической концепции можно увидеть превращение геометрического конструирования в универсальный метод постижения социального мира, в том числе и государства. Геометрию он называет единственной наукой, дарованной богом человеческому роду [10, с. 55]. Он сопоставляет правила арифметики и геометрии с правилами строительства и сохранения государства, для установления которых необходимы любознательность и метод. Этот метод уже представлен в математических науках – в аксиоматико-дедуктивном методе построения геометрии. Эта универсализация геометрического метода станет особенностью концепций Спинозы, Э. Вейделя, Лейбница [15]. Этот аксиоматико-дедуктивный метод геометрии нашел свое выражение в стремлении Гоббса исходить из определенных и на их основе строить теорию, в данном случае теорию государства.

Существенно и то, что политическая теория строится Гоббсом с помощью генетического метода, который предполагает выдвижение идеальных объектов и абстрагирование от того, реальны или нет вводимые идеальные объекты [16]. Так, «естественное состояние» характеризуется им как фикция, которая оказывается существенным конструктом для последующего построения концепции. Он посвящает анализу «фиктивного человека» специальную главу в «Основах философии», имея в виду человека как «юридическое лицо». Роль фикций в философской и политической концепции Гоббса еще требует своего изучения, мне же важно подчеркнуть, что он, конструируя свою политическую концепцию, впервые вводит идеальные объекты – фикции, которые становятся конструктами теоретического здания.

Этот геометрико-конструктивный метод истолкования власти государства представлен, в частности, в трактовке Гоббсом законов права и преступлений. Законы права понимаются им:

- 1) как приказание, как устное, письменное или ясными знаками воли предписание каждому подданному;
- 2) законодателями являются или суверен, или парламент (Гоббс отдает предпочтение суверену – единственному законодателю);
- 3) сам суверен не подчинен гражданским законам;
- 4) существуют различия между практикующими обычаями и волей суверена;
- 5) существует совпадение по содержанию и по объему между естественным и гражданским законом, который урезает и ограничивает естественное право;

б) законодательная власть принадлежит королю в парламенте, а исполнительная власть – парламенту;

7) противоречия в законах и их истолкование составляет прерогативу не судей, а суверена;

8) все законы нуждаются в толковании справедливости, но эта разногласица в толковании законов, прежде всего буквой закона и его смыслом, не может приводить к изменению закона, поскольку это дело суверена.

Обращает на себя внимание то, что Гоббс выводит за пределы права волю законодателя – суверена, который не подчинен гражданским законам. Вертикаль власти завершается волей (а точнее, произволом) суверена. Это означает, что правовые законы тождественны приказаниям суверена, а эти общеобязательные, облигативные предписания должны быть признаны не только парламентом, но и всеми гражданами страны. «Правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена» [10, с. 214]. «Основным законом поэтому является тот закон, на основании которого подданные обязаны поддерживать всякую власть, которая дана суверену-монарху или верховному собранию и без которой государство не может устоять» [10, с. 224]. Среди основных законов Гоббс называет право суверена делать все, что он сочтет необходимым в интересах государства. Если вспомнить, что воля государства тождественна воле суверена-законодателя («я повелеваю, я предписываю»), то апология Гоббсом абсолютной власти короля не вызывает каких-либо сомнений.

Законодательную власть имеет только суверен, а не папская власть. В своей полемике с представителями папской власти, которые выдвигали притязания и на светскую власть, в частности, с кардиналом Р. Беллармином, Гоббс был весьма решителен: «Действительно, хотя бог является сувереном всего мира, мы не обязаны принимать за его закон все, что кто-либо предложит от его имени, а также не можем считать законом бога ничего, противоречащего гражданскому закону, которому бог определенно заповедовал нам повиноваться» [10, с. 375]. Для Гоббса в противовес Беллармину власть суверена не подчинена власти Папы, он – законодатель правил о том, что правомерно и что неправомерно, и мечом правосудия принуждает людей подчиняться его решениям: «такой власти не имеет законным образом никто другой помимо гражданского суверена» [10, с. 403]. Эта цивилизующая власть держится на страхе и держит своих подданных в страхе, принуждая их угрозой наказаний выполнять естественные законы и законы-договора.

«Левиафан» издан в 1651 г. – спустя два года после казни короля Карла I (29 января 1649 г.) и акта, упраздняющего королевскую власть (17 марта 1649 г.). Естественно, что отношение республиканской власти во главе с Оливером Кромвелем к Гоббсу, возвратившемуся из парижской эмиграции в Англию, было настороженным. Настороженность властей не изменилась и после реставрации. Его книга «Бегемот» (1658 г.) об истории гражданской войны в Англии запрещается к изданию. Книга «Левиафан» встречает обви-

нения в свободомыслии и три года спустя после смерти автора (1679 г.) была сожжена по решению Оксфордского университета. И в первой, и во второй книгах Гоббс критически отнесся к республиканской власти, описав гражданскую войну как бедствие, опустошившее и Англию, и Шотландию [10, с. 164]. Более того, он четко высказался против казни абсолютного монарха, считая ее незаконным актом: «...ни один человек, облеченный верховной властью, не может быть по праву казнен или как-нибудь иначе наказан кем-либо из своих подданных. Ибо каждый подданный... является ответственным за действия своего суверена. Наказывая суверена, подданный, следовательно, наказывает другого за действия, совершенные им самим» [10, с. 150]. Отрицая саму возможность применения смертной казни для суверена, Гоббс не отвергает смертную казнь как высшую форму наказания и различает простую смертную казнь или соединенную с пытками [10, с. 241].

[Публичная казнь была не только видом наказания, но и определенной церемонией, неким публичным театральным зрелищем, которое было отменено в Англии лишь в 1837 г. (во Франции – в 1830 г.). Этот «театр террора» (по определению М. Фуко [17, с. 74]) был направлен на ритуально-церемониальное восхваление власти и силы закона и обнаруживается, в частности, в казни короля Карла I: «В это время площадь перед Уайтхоллом уже заполнилась народом. Все теснее становилось на балконах, крыши трещали под тяжестью зрителей. Кто половчее, взбирался на деревья. Послышался топот копыт, и отборные отряды “железнобоких” плотно окружили помост, выстроились вдоль стен дворца. День был холодный, Карл, заглядывая в листок бумаги, произнес небольшую речь. Он говорил о своей невинности. Парламент он обвинял в развязывании войны, армию – в применении грубой силы. Себя самого он упрекал лишь в том, что допустил казнь графа Страффорда. Он заявлял, что стоит за «народную свободу», но «не дело подданных, – говорил он, – участвовать в управлении государством». Король оставался королем и говорил как милостивый монарх, наставляя своих подданных, словно неразумных и злых детей. Окончив речь, Карл с помощью епископа убрал свои длинные поседевшие волосы под шапочку, снял плащ, опустился на колени, положил голову на плаху и после краткой молитвы вытянул вперед руки в знак того, что готов к смерти. Палач одним ударом топора отсек голову. Подручный палача подхватил голову и высоко поднял в руке. “Вот голова изменника!” – сказал он. Не то стон, не то вздох пронесся над толпой. Несколько человек бросились к помосту, чтобы омочить платки в королевской крови. Кавалеристы стали оттеснять толпу от эшафота. Вскоре площадь опустела» (*Павлова Т.А.* Кромвель. – М., 1980. – С. 196–197).]

Он специально обсуждает вопрос о престолонаследии в разных обстоятельствах [10, с. 160]. Власть, которая приобретена верховным правителем силой, не может быть отнята у суверена, который является «единственным законодателем и верховным судьей при всех спорах» [10, с. 165]. Власть су-

верена-деспота основывается на правах и последствиях суверенитета, основанного на установлении, т.е. на договоре. Философ так и остался непонятым ни монархической властью, которая воспринимала его как вольнодумца и атеиста, ни республиканской властью, для которой он был роялистом.

Гоббс и начала уголовного права

В «Левиафане» (гл. XXVII) Гоббс обсуждает вопрос о преступлениях, а в гл. XXVIII – о наказаниях и наградах, которые исходят не от частных лиц, а от государственной власти, от ее правовых законов, которым подчиняется каждый человек в государстве. Различая грех и преступление, он полагает, что преступление состоит в осуществлении того, что запрещено законом. Цель наказаний является «не месть, а устрашение» [10, с. 240]. Именно страх, по Гоббсу, заставляет людей соблюдать законы. Описывая различные по степени преступления (по зловредности причины, заразительности, вредности последствий, обстоятельств места, времени и лиц) и смягчающие вину обстоятельства, он вновь апеллирует к геометрическим понятиям, сопоставляя преступления с отклонениями от прямой линии – с кривыми линиями. Среди наказаний Гоббс специально обсуждает телесные наказания, в частности смертную казнь, денежные наказания, заключение в тюрьму и изгнание. Наказание невинных, по словам Гоббса, противоречит естественному закону и «есть воздаяние злом за добро» [10, с. 243]. Вознаграждение Гоббс подразделяет на дар и благо по договору. С первой разновидностью вознаграждения политическая философия Гоббса осуществляет поворот к тем компонентам социальных отношений, которые через два века стали предметом исследования Марселя Мосса в его эссе «Опыт о даре» [18]. Для Гоббса дар – это не структура обмена в архаических обществах, а изначальная форма вознаграждения сувереном своих подданных. Вознаграждение по договору называется жалованием или заработной платой за определенную услугу. Важно то, что именно обоюдное дарение кладется Гоббсом в основание социальных отношений, мыслимых им в соответствии со сферой товарного обращения, которое предполагает взаимное признание участников обмена в качестве равноправных.

Итак, политическая философия Гоббса впервые в новоевропейской мысли обратила внимание на структуры государственной власти, понятой как некий механизм ряда институциональных подсистем (законодательных и исполнительных), на генезис права вместе с возникновением общественного договора и государства, на роль вознаграждений и наказаний в уголовном праве. Можно сказать, что Гоббс дал первый импульс политической мысли нового времени, задал ведущий вектор политико-философских исследований, заимствуя из классической механики Галилея процедуры построения «мысленных экспериментов», с помощью которых строятся как естествен-

нонаучные, так и социологические теории новоевропейской науки. Стремление к однозначности научных понятий, которое характеризует классическую науку, отнюдь не означает, что она свободна от метафор и риторических фигур. Все первые этапы новоевропейской науки далеко не свободны от метафор и риторических фигур.

Судьба идей политической философии Гоббса

Речь идет о метафорах философских речей, метафорах, не обязательных и сопутствующих философии, составляющих риторические фигуры, украшающие язык философов, но не составляющих его суть. На деле же все обстоит принципиально иначе. Если любое сознание коммуникативно по своей природе (а эту мысль я пытался провести уже давно), то и философское сознание репрезентирует не просто фигуры речи, а коммуникативные ходы мысли, выражает собою социальную нагруженность мысли, ее сопряженность с актуальными событиями и процессами (не только в юридическом смысле слова). Философия универсализирует коммуникативные акты и содержание этих актов, превращая актантов коммуникативного действия в неких безличных субъектов познания и деятельности или настаивая на возможности построения «эпистемологии без познающего субъекта». Лишь в последние десятилетия философы осознали всю важность коммуникативных действий для понимания и морали, и права, и политики, и социального бытия вообще. Правда, нередко коммуникативность была понята одномерно как отношение к Другому (напомню о философии Э. Левинаса) и забыто отношение к вещи, ставшей собственностью – и моей собственностью, и собственностью Другого.

Право представляет собой не одеяние социальных отношений, которое можно сменить или освободиться от него. Правовая регуляция коммуникаций между людьми – один из важных механизмов согласования интересов и действий людей и относительно друг друга, и относительно вещей-в-собственности и т.д. Очевидно, первым, кто не только обратил внимание на двоякую осмысленность (двуосмысленность) коммуникативного действия, но и сделал эту двоякую осмысленность предметом исследования в идее признания (*Anerkennung*), был Гегель, который в «Феноменологии духа» не только описал такие формы сознания как сознание, господина и лакея (*Knecht*), несчастное сознание, но и подчеркнул: «Действование, следовательно, двусмысленно не только постольку, поскольку оно есть некоторое действование как в отношении к себе, так и в отношении к другому, но также и постольку, поскольку оно нераздельно есть *действование* как одного, так и *другого*» [19, с. 100]. Эта коммуникативная взаимность действования означает, что коммуникация симметрична, и даже асимметричная коммуникация (например, господина и слуги) завершается переворачиванием отношений и

утверждением позитивной значимости того сознания, которое было в подчинении господина.

Кроме того, важнейшим моментом коммуникаций между людьми является то, что люди «признают себя признающими друг друга» [19, с. 100]. Взаимное признание – тот момент, который превращает общение одного с другим в коммуникацию, как говорит Гегель, «в духовное единство в его удвоении» [19, с. 99]. Гегель отдает приоритет духовному единству, а не различиям, поскольку для него человек – это самосознание, а его единством может быть лишь дух. Именно этот вектор разворачивания самосознания – рост духа во всех формах сознания, рефлексивное прояснение тех метаморфоз, который он осуществляет во всех своих гештальтах («целостных структурах»), становится у него решающим. Гегель оставляет в стороне тот ход мысли, который был перспективен для анализа форм сознания – поворот к коммуникационной сути сознания, с тем, чтобы перейти к описанию гештальтов автономного, объективного духа (образования как отчуждения духа от самого себя и морали как возвращения духа к своей самодостоверности). Движение духа на этой стадии разворачивается объективно, то есть (по Гегелю) независимо от коммуникативных актантов, обладая собственной жизнью, активностью и инертностью.

Помимо этого поворота к объективному духу и его гештальтам существует еще один мотив отказа от идеи коммуникативности сознания – его анализ террора во времена Французской революции. Этот анализ он осуществляет в разделе «Абсолютная свобода и ужас»: дух предстает как абсолютная свобода, которая возводится на престол и для которой не остается ничего устойчивого, ничего положительного, причем эта свобода – свобода единичного самосознания, для которого остается единственное произведение – «самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» [19, с. 318]. Всеобщая свобода оказывается лишь негативным действием и фурией исчезновения.

Идея коммуникативности вновь всплывает в этом разделе «Феноменологии духа» Гегеля. Но всплывает весьма своеобразно – как отношение всеобщей воли и воли правительства. Это философско-правовое различие, осуществленное Ж.-Ж. Руссо (всеобщая воля и воля всех), интерпретируется Гегелем как воля правительства, которая проявляет себя как воля некоей побеждающей партии. Но именно это и возлагает на нее вину: ведь всеобщая воля считает поступки побеждающей партии и созданного ею правительства преступлениями, а в этом залог их – и партии, и правительства – гибели. Как видим, речь у Гегеля не идет о конкретном историческом анализе противоборства различных партий во Французской революции, а о том, как частная воля одной партии, воплощающаяся в воле правительства, вступает в явное противоречие с общей волей. Возникает явное углубляющееся несоответствие и даже разрыв между волей одной партии и общей волей, которая репре-

зентирована правом и государством. Коммуникативные акты и сознание взаимосоотносимых актантов вновь станут объектом анализа в «Философии права».

Как мы видим, фурия исчезновения – смерть под гильотиной и ужас перед смертью – трактуются Гегелем как следствие абсолютной свободы единичного самосознания, культа свободы и существования единичного индивида. Гегель как исторический мыслитель апеллирует к переходу от якобинского периода Французской революции к немецкой моральной философии. Смерть и террор были для Гегеля способом анализа определенного этапа в формировании духа, который преодолевается благодаря возникновению моральности, кодекса морального мировоззрения с его культом совести, долга и воли, моральных поступков и убеждений, постулирования гармонии морального самосознания и существования, которая все дальше отодвигается в туманную даль. После эпохи террора возникает прекраснородушное моральное мировоззрение, с его апологией кодекса морального поведения, совести, долга. Одно из отличительных качеств морального самосознания – его бездеятельность – приводит лишь к моральному суждению о действительности и, в конечном счете, к примирению со злом. Для Гегеля и эпоха террора, и эпоха морального сознания – проходящие ступени формирования духа.

Итак, политическая философия Гоббса оказалась перспективной для развития политической мысли, во-первых, стремлением понять механизм государственной власти как механизма насилия, во-вторых, идеей признания, связанной с идеей общественного договора, в-третьих, обсуждением системы поощрений и наказаний. Само собой разумеется, что лежащая в основании всей политической философии Гоббса идея страха, в частности, страха перед смертью как ведущего мотива перехода от естественного состояния к искусственному и генезиса государства, нашла свое продолжение и развертывание не только в феноменологии Гегеля, но и в политических концепциях тоталитаризма. Конечно, апология геометрии как метода исследования, в том числе и в политическом учении Гоббса, привела не только к элиминации человека из механизма власти, но и к инструменталистско-техницистской трактовке власти государства, к пониманию государства как машины власти. Эта у Гоббса сугубо идейная перспектива оказалась в XX в. вполне реальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоренский П.А.* Письма с Дальнего Востока и Соловков // *Флоренский П.А.* Соч.: В 4 т. – М., 1992. – Т. 4.
2. *Рикер П.* Путь признания. – М., 2010.
3. Напомню известные слова Ленина: «Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» (*Ленин В.И.* Соч. – Изд. 4-е. – М., 1955. – Т. 29. – С. 441). Метафора «государственной машины» – одна из наиболее частых и в социальной философии марксизма-ленинизма.

4. *Vialatoux J.* La Cite de Hobbes. Theorie de l etat totalitaire. Essai sur la conception naturaliste de la civilization. – P., Lyon, 1935; *Capitant R.* Hobbes et l Etat totalitaire // Archives de Philosophie de droit et de sociologie juridique. – Vol. VI. – 1936; *Schelsky H.* Die Totalitat des Staates bei Hobbes // Archiv fuer Rechts und Sozialphilosophie. – Berlin, 1938. – Bd. XXXI. – S. 176–201; *Ritterbusch P.* Der totale Staat bei Thomas Hobbes. – Kiel, 1938.
5. *Collingwood R.G.* The New Leviathan. – Oxford, 1942. Этот же мотив представлен и в статье Л. Баптиста (*Baptista L.P.* The State as an Artificial Person by Hobbes // Unspecified Austrian Ludwig Wittgensteins Society. – 2002. – P. 20–21).
6. *Шмунт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – СПб., 2006.
7. *Macpherson C.B.* The political theory of possessive individualism: Hobbes to Locke. – Oxford, 1962. Именно суверен – лицо государства (*persona civitatis*) имеет право награждать и наказывать граждан, включая телесные наказания. Согласно Гоббсу, закон – это не совет, а приказание или одного человека, как в монархии, или собрания людей, как в демократии. Важно лишь то, что закон – это приказ, а единственный законодатель – суверен, представитель «искусственного человека – государства» [10, с. 211]. Этот суверен «не подчинен гражданским законам» [7, с. 209].
8. *Skinner Q.* Reason and rhetoric in philosophy of Hobbes. – N.Y., 1996; *Johnston D.* The rhetoric of Leviathan Th. Hobbes and the politics of cultural transformation. – Princeton. 1986; *Feldman K.* Conscience and the Concealment of Metaphor in Hobbes Leviathan // Philosophy and Rhetoric. – Vol. 34. – 2001. – № 1. – P. 21–37, 64.
9. О мифологических корнях образа Левиафана см.: [6, с. 105–122]. Этот библейский образ сильного и неукротимого зверя (Иов: 40–41), имя которого переводится как «змея», «дракон», будучи одновременно образом дьявола и его власти, трактуется у Шмита как «машина машин» власти.
10. *Гоббс Т.* Левиафан. – М., 1936.
11. Не соглашусь с оценкой Шмита роли геометрического метода в создании политической концепции Гоббса: «Цель Гоббса – не математика и не геометрия; он ищет политическое единство христианского общества, хочет добиться прозрачности в структуре понятийной системы “материи, формы и власти государства церковного и гражданского”. Его духовно-историческое свершение не имеет естественно-научного характера» (курсив наш. – А.О.) [6, с. 282]. Никто не будет спорить о том, что Гоббс не был ни великим математиком, ни физиком. Однако никто не оспаривает того мнения, что Гоббс использовал геометрическую аргументацию в своем духовно-историческом свершении – в «Левиафане». И дело не в том, что в противоборстве теологических контроверз была утрачена возможность иной аргументации (как считает Шмитт), а в том, что геометрия предоставляла эвристические и методологические возможности для постижения конструктивного характера создания человека.
12. См.: *Гоббс Т.* Избранные произведения: В 2 т. – М., 1964. – Т. I. Сам Гоббс полагает, что допущение «естественного состояния» является фикцией, важной в качестве контраста для определения «искусственного состояния» (см.: [10, с. 43]).
13. «...Каждый предмет лучше всего познается благодаря изучению того, что его составляет, подобно тому, как в автоматически двигающихся часах или в любой сложной машине нельзя узнать назначения каждой части и каждого колеса, если не разложить эту машину и не рассмотреть отдельно материал, вид и движение ее частей. Точно так же и при отыскании прав государства и обязанностей граждан нужно хотя и не расчленять государство, но все же рассматривать его как бы расчлененным на части» [12, с. 290].
14. *Мальбранш Н.* Разыскания истины. – Гл. IV. – М.: Наука, 1999.

15. См. об этом: *Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. – СПб., 2006. – Т. I–II.
16. *Смирнов В.А.* Генетический метод построения научных теорий // *Философские проблемы современной формальной логики.* – М., 1962.
17. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. История тюрьмы. – М., 1999.
18. *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и содержание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. – М., 1996.
19. *Гегель.* Феноменология духа // *Гегель.* Соч. – М., 1959. – Т. IV. Автор предпочитает говорить о двусмысленности как о двояком значении каждого действия «одного», а не о двусмысленности, поскольку русское слово «двусмысленность» имеет негативный оттенок.